

С.А. Королевич

*(Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь)*

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Постижению языковой личности поэта (а в современной филологии языковая личность рассматривается как многоуровневая структура, включающая когнитивный, вербально-семантический и мотивационный уровни [Караулов 2000: 245]) служит исследование идиостиля автора, то есть совокупности речетекстовых характеристик художника слова, теснейшим образом связанных с его мировоззрением и эстетическими установками. Однако поскольку стилевой доминантой художественной речи выступает словесная изобразительность, а основу всей поэзии составляет образная интерпретация действительности, то представление о языковой личности Ф.И. Тютчева можно получить и в результате всестороннего анализа лишь одного из его образно-изобразительных средств – сравнения.

Это образное средство отнюдь не относится к излюбленным поэтическим приемам Тютчева, но его поэзия в целом основана на сравнении. Стремясь выразить свои думы и сокровенные чувства, поэт искал для них тончайшие созвучия в вечно меняющейся картине окружающего мира. Поэтому сравнения у Тютчева есть, и они информативны для характеристики его идиостиля.

Оставляя в стороне дискуссию о статусе сравнения в кругу форм образной речи (троп, фигура речи, образное средство, стилистический прием), согласимся с И.Б. Голуб в том, что это простейшая форма образной речи, к которой можно свести почти всякое образное выражение [Голуб 2007: 141]. Базирующееся на сопоставлении одного предмета или явления (субъекта сравнения) с другим предметом или явлением (объектом сравнения) на основании каких-либо признаков (основа сравнения), сравнение объективно выступает средством образной дескрипции.

Будучи древнейшим видом интеллектуальной деятельности, сравнение выступает способом познания мира и способом закрепления этого знания в языке, поэтому его правомерно интерпретировать как средство выражения когнитивной составляющей в структуре языковой личности Тютчева. О том, к каким сферам бытия наиболее часто обращается поэт в своем творчестве, позволяет судить изучение субъектов и объектов сравнений. Тютчев, на первый взгляд, здесь несколько не оригинален: в его картине мира представлены универсальные концепты – пространство, время, человек. Мысль Тютчева в первую очередь устремлена к постижению начал бытия – природы. В роли субъектов сравнений в его текстах используются обозначения стихии земли (*природа, горы, сад*), воды (*море*), воздуха (*небо, дым, ветер*) или названия предметов, вещей (*купол, фонтан* и др.).

Лексическими референтами образа времени выступают номинации *ночь, день, лучи солнца, месяц* 'луна'.

Однако эти универсальные образы картины мира, благодаря сравнениям, у Тютчева представлены по-особому. О необычности мировидения поэта, в первую очередь, свидетельствует его выбор объектов сравнений. Природа для Тютчева – непостижимая тайна, «сфинкс», поэтому семантика образов поэта принадлежит сфере возвышенного («*Сияет Белая гора, / Как откровенье неземное*» («Утихла биза...»)), таинственного («*Тогда густеет ночь, как хаос на водах...*» («Видение»)), мистического («*Вот, как призрак гробовой, / Месяц встал*» «На возвратном пути»)), прекрасного («*день любезный, / Как золотой покров, она [ночь] свила...*» («Святая ночь на небосклон взошла»)) и др.

Картине мира поэта, кроме этого, присуща сложность и изменчивость, текучесть и сближение разных стихий: «*Как опрокинутое небо, / Под нами море трепетало...*» («Восток белел...»); «*с землю обгорелой / Слилсся, как дым, небесный свод*» («Безумие»); «*...сладко дремлет Рим в ее [луны] лучах!.. / Как будто лунный мир и град почивший – Всё тот же мир, волшебный, но отживший!*» («Рим ночью»); «*Здесь дым один, как пятая стихия ...*» («Дым»).

Окружающий мир у Тютчева всегда предстаёт как одушевлённый, и лексемы, замещающие позицию субъектов сравнений, часто метафоричны и даже символичны, служат созданию динамичных, сложных образов, сравним: «*Как птичка, раннею зарей / Мир, пробудившись, вострепетал...*» («Как птичка, раннею зарей...»); «*Ночь хмурая, как зверь стокий, / Глядит из каждого куста...*» («Песок сыпучий по колени...»); «*Жизнь, как подстреленная птица, / Подняться хочет – и не может*» («О, этот Юг, о, эта Ницца!») и др.

Еще выразительнее сложность мировидения Тютчева выявляется в представлении концепта «Человек». Субъекты сравнений, объективирующие этот концепт, выражены номинациями *человек, поэт, милый образ, слёзы*. Однако чаще это отвлеченные лексемы, представляющие духовное и эмоциональное бытие человека: *жизнь, смерть, душа, судьба, сон, мечты, чувства, любовь, боль, сочувствие, беспмятство*. Ключевым образом у Тютчева является образ *души* – культурный концепт, обладающий экзистенциальной значимостью для русской языковой личности. В сравнениях поэта актуализируются разные смыслы этого образа: «*...чудный звон затрепетал в струне, / Как бред души, встревоженной во сне*» (божественная субстанция в человеке) («Арфа скальда»); «*В душе своей, как в бездне, погружен*» (внутренний мир) («Святая ночь на небосклон взошла...»); «*И чудно так на них [письма] глядела, / Как души смотрят с высоты / На ими брошенное тело*» (ипостась личности, противопоставленная телу) («Она сидела на полу...»).

В семантике многих сравнений, представляющих внутреннюю жизнь человека, образ уточняется за счет использования названий природных объектов: «*Поэт всесилен, как стихия...*» («Не верь, не верь поэту, дева...»);

«Слезы людские, о слезы людские.../ Льетесь, как льются струи дождевые» («Слезы людские...»); «И жизнь, как океан безбрежный, / Вся в настоящем разлита» («Весна»); «...чувства и мечты / Встают и заходят .../ Безмолвно, как звезды в ночи...» («Silentium!»). «Мир искусства, – писал А.А. Потебня, – состоит из относительно малых и простых знаков великого мира природы и человеческой жизни» [Потебня 2003: 179]. Сравнения Тютчева являются именно такими знаками: в них человеческая жизнь и природа неразделимы.

В синергетическом единстве человека и природы у Тютчева часто присутствует еще один субъект – Бог, божественное начало, являющееся для поэта как эталоном совершенства и человека, и природы, так и причиной их непостижимости. Это триединство представлено, например, в сравнении из стихотворения «Весна»: «И радость в душу пролилась, / Как отзвук торжества природы, / Как Бога животворный глас....». Сакральная лексика, аллюзии на Священное писание включены в структуру многих сравнений, например: «День / ...чистыми, как благодать, лучами / На западе светился и горел» («19-ое февраля 1864»); «И нам сочувствие дается, / Как нам дается благодать...» («Нам не дано предугадать...»); «Душа готова, как Мария, К ногам Христа навек прильнуть» («О вещая душа моя!...»); «Таинственно, как в первый день создания, / В бездонном небе звездный сонм горит» («Как сладко дремлет сад темно-зелёный...»). Это свидетельство особого философско-религиозного взгляда Тютчева на природу и жизнь человека.

Образы сравнений характеризуют и мотивационно-прагматический уровень языковой личности Тютчева. Они служат поэтическим выражением внутреннего состояния автора, пережившего немало личных драм. Эмотивное содержание слов, занимающих в компаративных конструкциях позицию субъекта, включает коннотацию трагичности и драматизма: «И человек, как сирота бездомный, / Стоит теперь и немощен и гол» («Святая ночь на небосклон взошла...»); «Жизнь, как подстреленная птица, / Подняться хочет – и не может» («О, этот Юг..!»); «... жизнь, как камней гряда, / Лежит на нас» («Когда в кругу убийственных забот...»); «тлится жизнь моя / И с каждым днем уходит дымом» («Как над горячею золой...») и др.

Вместе с тем установлено, что выбор поэтических средств отражает эстетическое кредо поэта, его художественные установки и принципы. Однако Тютчев начал творить на рубеже классицизма и романтизма, как русский поэт формировался вдали от России и не имел определенной эстетической программы. Сравнения поэта убедительно доказывают это. Одни из них, возвышенные, строгие и однозначные, близки одической традиции, как, например, в стихотворении: «Как дочь родную на закланье.... Здесь в роли объекта сравнения используется историческая реминисценция («Как дочь родную на закланье / Агамемнон богам принес, – ...Так мы над горестной Варшавой/ Удар свершили роковой»); архаичная лексика («Славян родные поколенья / Под знамя русское собрать ... / Единомысленных, как рать»), эпические символы («И наша общая свобода, / Как феникс, зародится в нем» [пепле]). Такие сравнения чаще всего выступают в стихотворениях,

посвященных историческим лицам – Ломоносову («*Он, верный Русскому уму / Завоевал нам Просвещение, ... / Как тот борец ветхозаветный*» («Он, умирая, сомневался...»)); Яну Гусу («*И на костре, как жертва пред закланьем, / Вам праведник великий предстоит*» («Гус на костре»)) и др. Другие (их несравнимо больше), отсылают читателя к романтической традиции. Они могут быть отмечены размытостью семантических ассоциаций, подчеркивают неопределимость предмета сравнения, при этом их смысловое содержание тоже осложнено неуловимыми обертонами, выражающими эмоции сожаления, разочарования, безысходности: «*Минувшее, как призрак друга / Прижать к груди своей хотим*» («Проблеск»); «*И что ж от долгого мученья / Как пепл, сберечь ей удалось?*» («Она сидела на полу...»); «*... как остывшую золу, / Брала их [письма] в руки и бросала*» (там же). Тютчев здесь не всегда оригинален, образы его сравнений типичны для романтиков: «*Твой милый образ, незабвенный, / ... Как ночью на небе звезда...*» («Еще томлюсь тоской желаний...»); «*Как неразгаданная тайна, / Живая прелесть дышит в ней*» («Как неразгаданная тайна...»); «*Судьба, как вихрь, людей метет*» («Из края в край, из града в град...»); «*... как голубь, чист и цел / Он духом был...*» («Памяти В.А. Жуковского») и др.

Вместе с тем поэт создает с помощью сравнений и неожиданные, необычные, единственные в своем роде образы. Независимо от того, выступают такие сравнения в пейзажной лирике, или философской, или интимной, они точны, исполнены глубокого смысла, часто отмечены яркой экспрессией, например: «*Как под незримую пятой, / Лесные гнутся исполины; / Тревожно ропщут их вершины, / Как совещаюсь меж собой...*» («Как весел грохот летних бурь...»); «*... тихо веет над долиной / Далекий колокольный звон, / Как шум от стаи журавлиной*» («Вечер»); «*Часов однообразный бой, / ... внятный каждому, как совесть!*» («Бессонница»); «*И вдруг, как солнце молодое, / Любви признанье золотое / Исторглось из груди ея*» («Сей день, я помню, для меня...»).

Поэтический образ – это и способ выразить внутреннюю свободу в использовании языка. В этом плане сравнения Тютчева показательны для характеристики вербально-смыслового уровня его языковой личности, отражающего, как известно, остальные уровни. Яркость компаративных образов обуславливается семантической дистанцией между субъектом и объектом сравнения. У Тютчева, как правило, эта дистанция очень значительна: например, каждому состоянию души, независимо от масштабов его проявления, поэт находит созвучие в природе. Выразительнейшим примером тому является созданный почти в конце жизни известный шедевр Тютчева, представляющий собой развернутое сравнение: «*Как поздней осени порою / Бывают дни, бывает час, / Когда повеет вдруг весною / И что-то встрепенется в нас, // – Так, весь обвеян дуновеньем / Тех лет душевной полноты, / С давно забытым упоеньем / Смотрю на милые черты*». И наоборот, каждая деталь пейзажа и каждое состояние природы рождает отзыв в душе человека: «*Лишь кой-где бледные березы, / Кустарник мелкий, мох седой, / Как лихорадочные грёзы, / Смущают мертвенный покой*» («Здесь, где

так вяло свод небесный...»). В итоге образы Тютчева, как правило, отмечены не только возвышенностью, но и тем, что исследователи называют «неизъяснимостью». Но даже если субъекты и объекты тютчевских сравнений принадлежат к одному смысловому полю, автор находит способ усилить их выразительность, включая в структуру сравнений другие тропы: «Их [сосен и елей] **тощая** (эпитет) **зелень**, / **Как иглы ежа**» (сравнение) («Листья»); «...обвеяны березы, / **Воздушной** (эпитет) **зеленью** сквозной, **Полупрозрачную** (эпитет), **как дым**...». («Первый лист»).

Однако чаще сравнения сами вписаны в структуру металогических средств образности (развернутых метафор, перифраз) или взаимодействуют с ними: «**Таинственно** (метафора), **как в первый день создания** (сравнение), / **В бездонном** (эпитет) **небе звездный сонм** (перифраза) **горит**» («Как сладко дремлет сад темнозеленый...»); «**Смотри, как облаком живым** (сравнение) / **Фонтан сияющий** (эпитет) **клубится**; / **Как пламенеет**, как **дробится** (метафора) / **Его на солнце влажный дым**» (перифраза) («Фонтан»); «**Что ты клонишь** (метафора) **над водами**, / **Ива, макушку свою?** // **И дрожащими** (эпитет) **листами**, / **Словно жадными устами**, / **Ловишь** (метафора) **беглую струю?**» («Что ты клонишь над водами...»). Думается, в таких случаях сравнения Тютчева неправомерно считать простейшей формой образной речи, потому что они являются знаками сложных образов.

Стоит отметить, что для современного читателя тютчевские сравнения отмечены некой «нездешней» изысканностью, в них нередки архаизмы, характерные для высокого стиля: как **пепл**; как **облак**; как **божественный глас**; **словно жадными устами**; как **жертва пред закланьем**; как **сосуд скудельный**; как **откровение духов**...; **огнь**, как **пламень адский**; **ветр**, как **предчувствие холодных зимних бурь**; **скалы**, как **кимвалы** и др. Нет сомнения, что архаизмы были осознанной принадлежностью идиостиля Тютчева.

В текстах Тютчева воплотилось все структурное богатство сравнений русского языка (компаративные конструкции со сравнительными союзами, «творительный сравнения» и т.п.). Наиболее распространены сравнительные обороты с союзом *как*, указывающим на равенство сравниваемых предметов, например: «**Внизу, как зеркало стальное**, / **Синеют озера струи**» («Снежные горы»). Но для характеристики идиостиля Тютчева особенно значимы конструкции с союзами *как бы*, *словно*, обозначающими приблизительное сходство предметов или явлений. Благодаря им и возникает неуловимость, неконечность смысла сравнений, обеспечивается создание специфических образов, в чем-то схожих с импрессионистскими: «**Как бы эфирною струёю** по жилам небо протекло; **Весь день стоит как бы хрустальный**; **Вот, словно змейка**, извиваясь, оно на ложе взобралось». Не однажды в текстах Тютчева отмечены и развернутые сравнения, способные охватывать целый текст. Они оформлены с помощью присоединительной конструкции, вводимой словом *так* (см. выше текст «Как поздней осени порою...»). Особой экспрессией обладают редкие отрицательные сравнения, типичные для русского фольклора: «**Не кольцо, как дар заветный**, в зыбь твою я опустил, / **И не камень самоцветный**, я в тебе похоронил. // **Нет, в минуту роковую**... / **Душу**,

душу я живую / Схоронил на дне твоём («Ты волна моя морская...»). Для усиления образной стороны сравнений Тютчев использует также их инверсию, градацию, контрастные сравнения и т.п.

В наше время известны многочисленные характеристики Тютчева и его творчества: Тютчев – «философски универсально образованный человек» (Л.В. Пумпянский); поэзия его – «синтез философского мышления и поэтического вдохновения» (Д.С. Дарский); «Тютчев – своеобразный классик в романтизме» (Н.Я. Берковский); «Тютчев ... хочет выразить неизъяснимое» (Е.А. Маймин); «Человек для Тютчева такая же тайна, как природа (Ю.М. Лотман) и др. Эти характеристики не просто рефлексия на стихи поэта, а результат глубокого аналитического исследования его творчества разными авторами в разное время. Наши наблюдения над составом, структурой и функционированием сравнений в текстах Тютчева еще раз подтверждают, что языковая личность этого поэта уникальна и необычно сложна и перед тютчеведами все еще остается обширное поле деятельности по ее изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – 8-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. АСТ Олимп, 2000. – 261 с.
3. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – 2-е изд., испр. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. – 284 с.